

АРХИТЕКТУРА

УДК 726.71(476)(091)

МОДЕЛЬ СВЯТОЙ ЗЕМЛИ В САКРАЛЬНОЙ ТОПОГРАФИИ ПОЛОЦКА

канд. искусствоведения, доц. Г.А. ЛАВРЕЦКИЙ
(Белорусский национальный технический университет, Минск)

Рассматривается развитие архитектуры в Полоцке как яркий пример использования византийской, древнерусской и западноевропейской традиции в создании модели Святой Земли. Четкая планировочная система, сложившаяся на Полоцкой Земле в период ее расцвета, стала основой развития новой образной структуры в XV веке. Сопоставление с историческими источниками и архитектурными сооружениями показало, что такие же процессы происходили во многих христианских странах. Общехристианские ценности, тождественность исторических, культурных и духовных процессов дают нам основание видеть в создании новых и перестройке существовавших белорусских храмов, и в первую очередь полоцких, знаковое событие. Роль Полоцка как основного экономического и прежде всего духовного центра несомненно повлияла на тенденции рассматривать его как православный Иерусалим.

Введение. Проанализировав некоторые из попыток воспроизведения или, точнее, знаменования храма Гроба Господня в европейской архитектуре, мы увидим, что набор заимствуемых элементов, который формирует своеобразные архитектурные структуры, в каждом случае оказывается различным. Поэтому ни один из этих объектов нельзя назвать в полной мере копией. В процессе выявления основных, знаковых элементов первообраза происходит отбор, а затем новый синтез некоторых черт оригинала с добавлением новых, не свойственных первоисточнику. «Архитектор средневековой копии не стремился воспроизвести детальный внешний вид прототипа, а лишь намеревался передать какие-то существенные его черты как *memento o святой стороне* и одновременно символ обещанного спасения» [1, с. 28]. Можно говорить о перенесении в архитектурное творчество свойственного иконописанию понятия списка. В основе церковного искусства положено Предание. Это особое отношение к наиболее почитаемой святыне. Храм ли с заключенным в нем образом, икона ли, для поклонения которой в дальние страны отправлялись вереницы паломников, зачастую были первыми звеньями в сложной и длительной цепи постоянного воспроизведения. Необходимо осознать, что копия с иконы и список с иконы – понятия разные. Мастер, для которого иконописание – церковное служение, видит в иконе-образце не объект студии, а источник творческого озарения. Условия канона, в которых развивается церковное искусство, позволяют иконописцу или зодчему с наибольшей полнотой проявить себя как творческую личность. Отсюда и своеобразие множества иконописных и архитектурных школ.

Основная часть. Особенности отношения списка к оригиналу обладали и полоцкие храмы. Строительство в XV веке новой святыни в Полоцке, которая должна была быть довольно внушительной, потребовало бы много экономических и технических усилий. Возможно, в ряду других причин это привело к мысли о перестройке уже существующего, соответствующего по своим параметрам храма. К тому времени в Детинце существовали две крупные православные церкви: Софийский собор, построенный в XI веке, и так называемый «храм в Детинце» – памятник полоцкой школы зодчества XII века. Неподалеку находился «храм на Рву» [2, с. 95]. Как свидетельствуют графические материалы XVI века, все эти святыни ко времени осады Полоцка Стефаном Баторием были основательно перестроены в соответствии с изменившимися функциональными и идеологическими факторами. Поэтому обычно идет речь об оборонительных башнях. Эти башни видны на гравюрах, иллюстрирующих осаду. Гравюра, выполненная С. Пахоловецким, дает панораму боя со стороны излучины р. Полоты. Другая – с противоположной стороны. Эти гравюры хорошо фиксируют два этапа разрушения Софийского собора. Третья гравюра дает воспроизведение фрагмента укреплений из-за Двины, показывая состояние Полоцка после взятия города Стефаном Баторием. Здесь мы видим два сооружения. Одно из них представляет собой базиликальную (трехнефную?) постройку (собор Воскресенского монастыря?), а другая – круглую ярусную (Софийский собор?). Что касается храма, расположенного неподалеку от собора Святой Софии, то, возможно, во время создания гравюр он еще хранил вид базилики с ротондой, воспроизводя композицию храма Гроба Господня в Иерусалиме. Судя по всему, это и есть храм Свято-Воскресенского (Мошоноцкого) монастыря [3, с. 173]. О том, как был перестроен храм на Рву, говорить можно весьма предположительно. Тот вид, в котором этот храм представлен на гравюрах, он обрел, вероятно, после осады и фактического

уничтожения города войсками Ивана Грозного. Тогда на руинах полоцкой модели одной из христианских святынь Иерусалима была возведена восьмигранная оборонительная башня, о которой обычно упоминают исследователи.

Появление памятников-символов Святой Земли было неудивительно на рубеже XV – XVI веков. Идея спасения, искупления для христиан выражалась в паломничестве, которое было особой формой покаяния, испытания, средством очищения, подготовкой к Судному дню. Иерусалим для средневекового христианства – тема вневременная. Имя священного града – символ обета, а земной осязаемый Иерусалим – образ, икона Небесного города, как и любое явление в обыденности. Вся жизнь христианина – восхождение к Небесному граду. Реальное паломничество могло быть заменено символическими хождениями, совершавшимися по храмам города, часовням одного и того же храма, от одной иконы к другой. Пример тому – впечатления священноинока Варсонофия: «...Святое ж место снятие со креста пядей в длину... Идучи ко кресту... есть... лестницы каменны... и ту есть церковь святого апостола Якова... и в другой же лестницы ступени и ту есть другая служба, церковь воздвижение...» [4, с. 4 – 5]. На Западе практиковалось ползание на коленях по лабиринту, награвированному на полу собора; иногда в центре такого лабиринта писали «Иерусалим», или «Гроб Господень» [5, с. 88, прим. 8]. В византийской традиции также известны такие символические паломничества, пример тому – изображение на полу храмов панорамы самого Иерусалима.

Если учесть, что к XIV – XV векам в Полоцке и в предместьях города сохранились святыни более раннего периода, о которых упоминалось в белорусско-немецких грамотах [6, с. 121], то по посвящениям (престольным праздникам) храмов можно детерминировать иерусалимскую тему. И в этой системе особое место принадлежало Софийскому собору. В иерархии Полоцка – Иерусалима – ему могло отводиться место Скинии (Святая Святых). Сохранившийся иконографический материал позволяет провести гипотетическую графическую реконструкцию собора Св. Софии середины XVI века. Все перестройки производились на основании планировки XI века. Места угловых башен определялись угловыми ячейками девятиполюя основного объема. Теперь объем храма стал более компактным, подчеркнута центричность. В этом случае проявилась и структура угловых глав: на всю высоту основного объема до закомар они были в сечении квадратными, а выше – круглыми. В гравюрах и рисунках такая ступенчатость иногда не учитывалась, к тому же такая фиксация не являлась целью этих батальных панорам. Поэтому на планах 1707 года и София, и храмы в городе приняли вид своеобразных пиктограмм, условных обозначений. На рисунках же Пахоловецкого (особенно на сделанном со стороны Двины, фиксирующем момент штурма) хорошо видна их геометричность.

Благодаря связям Полоцка с немецкими городами могло возникнуть и знакомство с давними западноевропейскими традициями относительно Второго Иерусалима, в частности в Аахене. Это также могло вдохновить Полоцк на создание подобного Православного Иерусалима. Возникновение на основе храмового ансамбля на берегу Западной Двины в Полоцке «моделей» важнейших святынь Иерусалима было вполне оправданным. Первым этапом реализации этой идеи должно было стать топонимическое соответствие. В качестве параллели горе Голгофе было избрано место около древнего Детинца, который с XIV века стал именоваться Верхней Замковой Горой [7, с. 167]. Возможно, Софийский собор, храм в Детинце и храм на Рву (Воскресенский?) также были перестроены в соответствии с новым маршрутом символического паломничества по Святой Земле. На такую мысль наводит факт упоминания в белорусско-немецких грамотах Воскресенского монастыря на Нижнем Замке [6, с. 121]. Идея благочестивого паломничества, объединяющая временную, пространственную и нравственную категории в сознании православного христианина, обнаруживается с особой очевидностью. Несомненно, в этой пространственной теофании Спасо-Евфросиниевский монастырь принимал образ горы Фавор.

Тема воспроизведения Иерусалимского храма в белорусских городах была также популярна. Достаточно взглянуть на гравюру Гродно, выполненную Гансом Адельгаузером, а затем выгравированную Матвеем Цюндталем «гражданином Нюрнбергским» в 1568 году. Особое внимание привлекает круглый в плане, многоярусный храм Креста, являющийся композиционным центром нижней части города. Явно не случайны и посвящение храма такого необычного очертания, и вид перестроенных храмов XII века – Борисо-Глебской и Пречистенской церквей. Обе они имеют шатровое перекрытие. В такой распространенной для средневековья традиции воспроизводить образ Иерусалима ощущается надежда на спасение после Конца Света. Герман, патриарх константинопольский, говорил: Она (церковь – Г. Л.) служит напоминанием распятия, и погребения, и воскресения Христова...». Из грамоты Киевского Митрополита Иосифа Солтана 1511 года со списком виленских храмов также можно понять, что косвенно тема Иерусалима коснулась и столицы Великого княжества Литовского.

Иерусалимская святыня была хорошо известна многим христианам не только древнебелорусских земель, но и других государств Европы. «Хождения» в Святую землю были весьма распространены. Сформировался значительный литературный фонд, посвященный описанию святынь. Есть заметки палом-

ников и мастеров, направляемых в Иерусалим специально для изучения и обмера святыни. Примером тому является «Хождение архимандрита Графенья обители пресвященныя Богородицы в Иерусалим» [8, с. 7]. Автор его, архимандрит Леонид, был настоятелем монастыря Успенский Отроч в Твери [9, с. 89]. Это сочинение интересно еще и потому, что архимандрит указывает маршрут следования в Святую Землю через земли Великого княжества Литовского.

В искусстве Новгорода тема Гроба Господня была популярна с XIII века. Это было связано с паломничествами в Святую Землю, которые продолжались и в XIV веке. Так, в 1348 – 1349 годах в Царьград и Иерусалим ходил Стефан Новгородский [10, с. 56 – 58]. Архиепископ Василий также был «самовидцем» земного рая. В 1445 году уже упоминается церковь Жен Мироносиц. В XV веке производится довольно большое количество иконок с изображением Гроба Господня. Москва повела решительную борьбу с новгородскими «шатаниями». Наступление московского догматизма пресекло их бытование [11, с. 223 – 236]. В 1467 году в Новгороде возникает идея построения семи церквей в честь семи вселенских соборов и семи веков. Возможно, именно полоцкий «почин» нашел в этой инициативе новое содержание. «Времена и лета седминым числом исчисляемы суть» – полагал Геннадий Новгородский. Так ожидание конца света связалось с церковно-строительной программой.

Автор знаменитой «Пereгринации» Николай Христофор Радзивилл Сиротка совершил паломничество в Святую Землю в 1582 – 1584 годах и составил описание Иерусалимской церкви: «Отметить надо, что вся ее громада из красивых и больших квадратных камней, с башнею под колокола, высоко в виде креста построена... Стены в четырех углах сходятся, т.е. на четыре стороны сложенные, только на восток и на запад полукруглыми стали... Над самим Гробом Господним купол церковный, свод круглый, до половины выпуклый, а остальное трамы фугованные закрывают» [12, с. 281].

Паломничества в Святую Землю запечатлевались не только в многочисленных описаниях, но и изображениях, и моделях, выполненных «по подлиннику, как составляется Святая Святых». Один из таких образов Иерусалима мы видим в миниатюре Хлудовской псалтири. Трактовка его архитектуры довольно подробна. «Башня и примыкающий храм (по своей типологии – базиликальный) и есть изображение комплекса Гроба Господня в Иерусалиме, в состав которого входили базилика Мартириум и примыкавшая к ней с восточной стороны ротонда храма Воскресения» [13, с. 18]. Это изображение вполне сопоставимо с панорамами Полоцка, на основании которых можно говорить о том, что в архитектуре перестроенных храмов соединились две темы. С одной стороны, это последовательность в воспроизведении характерных форм (полукруглый западный фасад, обстройка основного объема множеством помещений, акцентированный объем над Святой Святых); с другой – учет как климатических и экономических условий, так и традиционных строительных навыков.

Издавна в качестве символа вечности после земной жизни в христианской архитектуре использовался октагон. Начиная с раннего средневековья октагон содержал в себе и «сионскую суть»: храм Гроба Господня виделся средневековым архитекторам именно в виде восьмиугольника. Октагон присутствует во многих памятниках X – XVIII веков. Именно эта семантическая определенность и была положена в основу образа перестроенного храма в Полоцке. На гравюрах XVI века явно прочитывается базиликальная система переустроенного храма с примыкающей башней. Художники подробно фиксируют этот архитектурно-композиционный акцент всего сооружения. Угадывается и его духовно-смысловая суть – гигантский восьмигранный столп, увенчанный шатром над «Святой Святых». Образ скинии, шатра, используемого в архитектуре, совершенно понятен [14, с. 37]. Господь «распростер небеса, как тонкую ткань, и раскинул их, как шатер для жилья» (Исаия 40:22). «Священно ополчаются четверочастнии людие, преходяще образом свидетельства скинии, крестообразными чинми прославляемии» (Канон на воздвижение честнаго и животворящего креста Господня. Песнь 4, тропарь 3).

Тема Иерусалимской святыни угадывается во многих православных церквях. Это и форма октагона, хорошо прочитываемая в апсиде перестроенного Борисо-Глебского храма в Новогрудке (также памятнике древнебелорусского зодчества XII века), в очертании апсиды и барабана Благовещенской церкви в Супрасле и др. Это и шатровые завершения как в упомянутых памятниках Гродно, так и в виленских церквях. Более того, Софийский собор в Полоцке также был увенчан шатром. По предположению А.И. Некрасова, именно из Беларуси впоследствии в Россию пришло шатровое зодчество [15, с. 247]. Октагональные формы и шатровые завершения белорусских церквей того времени стали знаменем прихода новой образной наполненности в православную архитектуру. Такие нововведения были вполне созвучны общестилевой направленности «страны замков», значительно расширяя композиционную палитру «белорусской готики».

Заключение. Условность и несовершенство графических материалов, на которых запечатлены образцы православного зодчества Беларуси XVI века, отсутствие прямых документальных доказательств не позволяют нам делать абсолютные и бесспорные выводы. Но важнейший фактор – общехристианские ценности, тождественность исторических, культурных и духовных процессов – дает нам основание ви-

деть в создании новых и перестройке существовавших белорусских храмов, и в первую очередь полоцких, знаковое событие. Эта перестройка была ничем иным, как уникальной попыткой приблизить к верующему «корабль спасения», артикулированный элементами храма Гроба Господня в Иерусалиме в соответствии с эсхатологическими настроениями эпохи. Возникла необходимость воссоздать модель Святой Земли в исконно православной богохранимой стране. Такая практика, как мы видим, была обычной для общехристианской традиции того времени. Это было и результатом стремления зримо, а не декларативно, утвердить свой приоритет в решении проблемы преемственности вселенского центра.

ЛИТЕРАТУРА

1. Krautheimer, R. Introduction to an «Iconography of Medieval Architecture» / R. Krautheimer // Journal of the Institutes, 1942. С. 1 – 33. – (Цит. по: Вятчанина, Т.Н. О значении образца в древнерусской архитектуре / Т.Н. Вятчанина // АН. – 1984. – № 32.
2. Раппопорт, П.А. Русская архитектура X – XIII вв. / П.А. Раппопорт. – Л., 1982.
3. Лаппо, И.И. Полоцкая ревизия 1552 года / И.И. Лаппо. – М., 1905.
4. Хождение священноинока Варсонофия ко святому граду Иерусалиму в 1456 и 1461 гг. // Православный палестинский сборник. – СПб., 1896. – Т. XV, вып. 45.
5. Данилова, И.Е. О категории времени в живописи кватроченто / И.Е. Данилова // Искусство Средних веков и Возрождения. – М., 1984.
6. Хорошкевич, А.Л. Полоцкие грамоты XIII – начала XIV в. / А.Л. Хорошкевич. – М., 1985. – Т. V.
7. Хозеров, И.М. Полоцкое зодчество XI – XII вв. в свете новых исследований / И.М. Хозеров // Адраджэнне: Гіст. альманах. – Мінск, 1995. – Вып. 1.
8. Хождение архимандрита Аграфенья обители пресвятыя Богородицы, около 1370 года // Православный палестинский сборник. – СПб., 1896. – Т. XVI, вып. 48.
9. Попов, Г.В. Древнейший русский лицевой проскинитарий / Г.В. Попов // Иерусалим в русской культуре. – М., 1994.
10. Лихачев, Д.С. Новгород Великий / Д.С. Лихачев. – Л., 1949.
11. Рындина, А.В. Особенности сложения иконографии в древнерусской пластике «Гроб Господен» / А.В. Рындина // Древнерусское искусство. – М., 1968.
12. Пэрэгрынацыя, або Паломніцтва Ясна Асветленага Князя Ягамосці Мікалая Крыштофа Радзівіла ў Святую Зямлю // Кніга жыццй і хаджэнняў. – Мінск, 1994.
13. Лидов А.М. Небесный Иерусалим в восточнохристианской иконографии / А.М. Лидов // Иерусалим в русской культуре. – М., 1994.
14. Ильин, М.А. Русское шатровое зодчество / М.А. Ильин. – М., 1980.
15. Некрасов, А.И. Очерки по истории древнерусского зодчества XI – XII веков / А.И. Некрасов. – М., 1936.

Поступила 23.05.2012

THE HOLY LAND MODEL IN THE SACRED TOPOGRAPHY OF POLOTSK

G. LAVRETSKY

We consider the development of architecture in Polotsk as a vivid example of Byzantine, ancient Russian and Western traditions to create a Holy Land Model. Clear planning system, developed in the Polotsk during its heyday, was the basis for the development of a new shaped structure in the XV century. Comparison with historical sources and architectural structures showed that the same processes occurred in many Christian countries. General Christian values, the identity of the historical, cultural, and spiritual processes give us a reason to see the creation and reconstruction of existing Belarusian churches, and especially in Polotsk, a momentous event. No doubt, the role of Polotsk, the main economic and spiritual center, influenced the tendency to consider it an Orthodox Jerusalem.